

ЖЕНЯ ЧЕРНЯК

A man and a woman are shown from behind, looking into a dark room. The man is in the foreground, wearing a dark blue shirt. The woman is slightly behind him, looking over his shoulder. In the background, a bed with a white pillow is visible in the dim light.

ИГРЫ СВОДНЫХ

Женя Черняк

Игры сводных

«Литнет»

2026

Черняк Ж.

Игры сводных / Ж. Черняк — «Литнет», 2026

Меня зовут Дина. Этим летом я вернулась в деревню, где всё пахло детством, яблоками и тишиной. Но дома оказались чужие мужчины — отец и сын. Они не были моей семьёй, но спали в моей бывшей комнате, сидели за моим столом, смотрели на меня чужими взглядами. Я решила с ними поиграть. Я думала, что знаю правила. Лето показало, что настоящая игра — это не то, что ты затеваешь с другими. Это то, что они затевают с тобой. И проигрывает не тот, кто слабее, а тот, кто не ожидал, что полюбит чужую постель, чужие руки и чужую боль.

© Черняк Ж., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Хищница в овечьей шкуре	5
Глава 2. Утро, которое пахнет азартом	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глава 1. Хищница в овечьей шкуре

Автобус трясло так, будто он решил вытрясти из меня все московские пыльцы. За окном мелькали берёзы с ободранной корой и бесконечные поля, где трава уже начала желтеть от июльского зноя. Я сидела у окна, сжимая в кармане джинсов телефон с почти севшей батареей, и чувствовала, как с каждой минутой приближения к деревне внутри меня затягивается узел. Тот самый узел, который мать завязала своими восторженными голосовыми сообщениями: «Диночка, у нас такие новости! Ты только не пугайся, но теперь нас четверо».

Четверо. Раньше было двое. Мама и я. А потом мама встретила в сельпо какого-то мужика с руками, пропахшими соляжкой, и всё покатилося под откос.

Автобус остановился на разбитой асфальтовой площадке у магазина «Продукты». Я вышла, вдохнула воздух, смешанный с коровьим навозом и цветущей липой, и закашлялась. Деревня встретила меня тем же, чем всегда, тишиной, которая давит на уши, и запахом свободы, который на поверку оказывается просто запахом запустения.

Дом матери стоял в конце улицы, крашенный синей краской, которая облезла ещё при царе Горохе. Калитка скрипнула, как старушечьи суставы. Я вошла во двор и увидела их сразу — мужика с бочкообразной грудью и парня, который сидел на крыльце с сигаретой в зубах.

— А вот и наша студенточка! — мужик поднялся со скамейки, разминая колени. Его звали Валерий Петрович, но материн голос называл его «Валера», причём с таким придыханием, что меня тошнило. Он протянул руку, широкую ладонь с жёлтыми мозолями. — Рады, рады! Проходи, Дина.

Я пожала его ладонь кончиками пальцев, будто трогала дохлую мышь. Парень на крыльце не встал. Он просто поднял глаза, и в этот момент я почувствовала себя голой.

Его взгляд не был наглым в привычном смысле. Он был изучающим. Как у кота, который разглядывает мышку не потому, что голоден, а потому что ему скучно и он хочет посмотреть, как мышка будет дёргаться. Пару секунд он смотрел мне в лицо, потом скользнул по шее, по вырезу футболки, которая на мне, блин, сидит как на вешалке! — и задержался на джинсах.

— Это Кирилл, — сказал Валерий Петрович. — Мой сын. Так что вы теперь... ну, будем считать, родственники.

Кирилл кивнул и выпустил струйку дыма в сторону моих кроссовок.

— Здравсьте, — сказал он. Голос низкий, чуть хрипловатый. Лет ему было, наверное, двадцать или двадцать один. Тёмные волосы, небритая щетина, футболка с «Металликой», которая обтягивала плечи так, что становилось понятно, что он ходит в какую-то качалку или просто таскает мешки с удобрениями.

— Привет, — ответила я и тут же пожалела, потому что мой голос прозвучал как писк.

Мать выбежала на крыльцо, вся в муке, с вымазанными руками. Обняла меня, затискала, запричитала. Я вдыхала её запах. Дрожжи, пирожки и дешёвая туалетная вода. Я чувствовала, как внутри всё сжимается от жалости к себе. И к ней тоже. Потому что она была счастлива. По-настоящему, глупо, по-бабьи счастлива, и этот счастливый блеск в глазах говорил мне: «Мне плевать, что ты думаешь, дочка. Я хочу трахаться с этим Валерием, и мне насрать на твои московские загоны».

— Я переставила твои вещи в комнату, — мать говорила быстро, захлёбываясь словами. — Там теперь две кровати, вы с Кириллом как раз поместитесь. Он парень не шумный, тебе не помешает.

Вот тут узел затянулся окончательно.

— Что значит — мы с Кириллом? — спросила я. Мать уже ушла на кухню, где подгорали пирожки. Кирилл докурил и бросил бычок под ноги. Валерий Петрович куда-то исчез, то ли в гараж, то ли в сортир.

Кирилл пожал плечами.

— Твоя мать решила. Говорит, свободная комната только одна. Остальные завалены бархлам. Я, честно говоря, был не в восторге. Но привыкнешь.

— Я не собираюсь привыкать, — сказала я.

Он усмехнулся. Усмешка у него была кривая, как забор этой долбаной деревни.

— Посмотрим.

Комната оказалась моей бывшей детской. Обои с медвежатами, которые мать так и не переклеила. Полка с моими старыми книжками, на которой жила Донцова, какой-то любовный роман, найденный в школьной библиотеке, и «Над пропастью во ржи», которую я так и не дочитала. А теперь на месте моего старого дивана стояли две узкие койки, на одной из которых лежал чужой рюкзак, валялись носки и пачка чипсов.

Моя койка оказалась у окна. Я бросила на неё рюкзак, села и уставилась в стену. За стеной гремел чайник. Мать пела что-то из Ларисы Долиной. Валерий Петрович выругался в гараже, наверное, уронил гаечный ключ на палец.

Кирилл вошёл через минуту, стянул футболку и остался в одних трениках.

Я отвела взгляд, но краем глаза всё равно увидела его торс. Не накачанный, как у бодибилдеров, а какой-то... рабочий. Мышцы не для понтов, а для дела. И ещё дорожка тёмных волос от пупка вниз, скрывающаяся за резинкой.

— Стесняешься? — спросил он, не поворачиваясь.

— Нет, — соврала я. — Просто не хочу на тебя смотреть.

— И правильно. Бабам на меня смотреть вредно.

Он лёг на свою кровать, закинул руки за голову и уставился в потолок. И в этот момент я почувствовала на себе его взгляд снова. Не прямой, а боковой, через прищуренные веки. Он не пялился открыто, но я чувствовала каждым позвонком: он меня разглядывает. Мои ноги в джинсах, мою шею, то, как волосы падают на лицо.

Мне это не понравилось.

Но вот что странно, «не понравилось» было только наполовину правдой. Вторая половина, та, которую я прятала от себя самой, она... чесалась. Где-то внизу живота. Потому что никто никогда так на меня не смотрел. В Москве парни из универа практически все одинаковые. Вежливые, правильные, боятся лишний раз дотронуться. А этот чисто деревенский, неотёсанный, с руками, которые пахнут железом. Он смотрел так, будто уже раздел меня, и всё, что мне оставалось — это либо ударить его по лицу, либо...

Первый вечер прошёл в молчании. За ужином мать говорила без остановки, Валерий Петрович поддакивал, Кирилл молча хлебал суп, а я сидела и втыкала вилку в картошку, представляя, что это глаз Кирилла. Или Валерия. Ай, не важно.

Ночью я лежала на своей койке, укрывшись тонкой простынёй, и слушала, как дышит соседняя кровать. Ровно, спокойно. Но я знала, что он не спит. Потому что он сопел чуть громче, когда бодрствовал. Тактическая фишка, которую я выучила ещё в школе, когда мы с одноклассницами ездили в лагерь и подкалывали друг друга по ночам.

Он не спал. И он смотрел.

Я лежала на боку, спиной к нему, и чувствовала этот взгляд на затылке, будто кто-то водил пальцем по моим волосам, не касаясь. Волосы на руках встали дыбом. Я зажмурилась и сказала себе: «Дина, ты учишься на психолога. Ты умеешь анализировать. Проанализируй вот это».

Страх? Нет. Только не это. Отвращение? Почти, но не совсем. Скорее... возбуждение. Грязное, неправильное, от которого хочется плевать и одновременно раздвинуть ноги.

Я не спала до трёх. Он уснул под утро, потому как задышал глубоко и ровно, и я наконец выдохнула.

На третий день я поняла, что схожу с ума.

Кирилл ходил по дому в одних трениках. Валерий Петрович ходил по дому в семейниках. Мать ходила в халате, который расходился на груди. А я ходила в шортах и майке и чувствовала себя экспонатом в кунсткамере. Потому что его взгляд, Кириллов, сопровождал меня везде. Когда я мыла посуду, он стоял в дверях и пил квас. Когда я выходила в туалет во дворе, боже, какой унизительный ритуал, то я снова видела его силуэт в окне. Он не прятался. Он просто... был.

И в какой-то момент заноза села глубже.

Я сидела на крыльце и перебирала в голове варианты. Уехать? Не на что. Мать на каникулы дала мне тысячу рублей, и те уже почти ушли на сигареты. Да, я курила, не судите, в Москве все курят, это социальный клей. Терпеть? Ещё месяц этого ада, и я точно выцарапаю себе глаза.

А потом я смотрела на мать. Как она льнула к Валерию Петровичу. Как он трепал её по задку, когда никто не видел. Как она смеялась тем смехом, от которого меня тошнило, потому что это был смех женщины, которая снова влюбилась, как девчонка. И меня осенило.

А что, если...

Что, если я не буду терпеть? Что, если я начну игру?

Мысль была мерзкой. Я даже сама от неё отшатнулась сначала. Но потом она вернулась, такая навязчивая, сладкая, как приторный ликёр, который пьёшь через силу, а потом просишь добавки.

Отец Кирилла. Дерьмо! Вот кто реально держит мать. Не Кирилл. Кирилл — это просто довесок, который уйдёт, если уйдёт батя. А если убрать Валерия? Только не физически, дура, а морально. Сделать так, чтобы мать увидела в нём не мужчину, а... кого-то, кто заглядывается на её дочь.

Я не дура. Я знаю, как работают мужчины. Я читала Форда, Бьюзена, даже этого вашего голубого с бородкой, который про транзакционный анализ писал. У мужчины есть два рычага: голод между ног и голод в животе. Валерий Петрович сыт. Он наелся маминых пирожков, он спит с ней в одной постели. Но если перед ним появится молодая задница... его собственная, как он думает, падчерица... если он начнёт хотеть меня... О, мать это почувствует. Она не дура. Бабы всегда чувствуют, когда мужик смотрит не на них.

А я сделаю так, чтобы он смотрел.

План родился за десять минут, пока я курила в сортире (сортовая романтика, мда). Кирилл станет моей разминкой. Приманкой. Если я заведу его, то, считай, пол-дела сделано. Потому что папаша увидит, как сын сохнет по мне, и сам захочет попробовать. Стадный инстинкт, ёб вашу мать. Самцы всегда хотят то, что уже хочет другой самец.

Я не буду с ним спать. Я буду просто... дразнить. Играть в недотрогу, которая вдруг решила, что он не такой уж противный. Показывать ноги, делать вид, что случайно прижимаюсь в проходе. Смеяться над его шутками, даже над тупыми. Спрашивать совета про машины, хотя мне плевать на машины.

А потом, когда Валерий клюнет, я сделаю так, чтобы мать увидела. Или услышала. И тогда прощай, Валера. Катись колбаской, милый.

Я улыбнулась своему отражению в мутном оконном стекле туалета. Улыбка вышла кривой, злой и в тот же миг показалась мне красивой.

— Дина, ты ёбнулась, — сказала я себе вслух.

Но уже знала, что не остановлюсь.

На следующий день я начала.

Я не стала надевать шорты. Надела юбку, короткую, которую обычно носила в клубы. Сверху свободную рубашку, завязанную узлом под грудью. Волосы распустила. Лёгкий макияж, только тушь и блеск для губ.

Мать, когда увидела меня, спросила:

— Ты куда-то собралась?

— Просто посижу на крыльце, — пожала я плечами. — Жарко.

Кирилл копался в гараже. Я знала, потому что слышала звон металла. Я вышла во двор, села на скамейку под яблоней, вытянула ноги. Солнце било по бёдрам, юбка задралась выше, чем надо. Я не поправила.

Ждать пришлось недолго. Минут через десять Кирилл вылез из гаража весь такой мокрый от пота, в одной майке без рукавов, и лицо в масле. Он увидел меня и застыл. Буквально застыл, как пёс, который унюхал суку в течке.

— Чего расселась? — спросил он хрипло. Взял бутылку воды из ведра, отпил, и капля стекла по подбородку, по шее, в вырез майки.

— Греюсь, — сказала я и улыбнулась. Не своей обычной улыбкой, не вежливой, московской, а другой, той, которую отрепетировала перед зеркалом в туалете. Улыбнулась с ленцой, с намёком.

Он допил воду, бросил бутылку в траву. Подошёл ближе. Встал прямо передо мной, заслоняя солнце. Тень упала на моё лицо.

— Слушай, Дина, — сказал он. — Я не дурак.

У меня ёкнуло сердце.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты меня избегала три дня. А сегодня надела юбку, которая выше трусов, и сидишь тут, как... — он запнулся, подбирая слово. — Как картинка из журнала.

— Мне нельзя выглядеть хорошо? — я поджала губы, но внутри пульсировала победа. Он кивнул. Сразу. С первого раза.

— Можно, — он наклонился ближе. От него пахло железом, потом и ещё чем-то, похожим на дешёвый гель для душа с запахом «морской бриз». — Только не делай вид, что ты не знаешь, на что я смотрю.

Он посмотрел на мои ноги. Открыто и без стеснения.

Я не отодвинулась. Я выдержала его взгляд и сказала:

— А что ты смотришь, Кирилл?

— На всё, что ты показываешь.

Вот здесь я могла испугаться. Или остановиться. Но внутри меня где-то глубоко, куда я не заглядывала даже по пьяни, проснулось что-то горячее и властное. То, что хотело не просто играть. Хотело смотреть, как он мучается. Как мучается его отец. Как они оба будут дрожать от одного моего взгляда.

Я медленно, очень медленно, так, чтобы он видел каждое движение, провела рукой по бедру, поправляя юбку. Только поправляя, я ничего не открывала. Но он выдохнул так, будто я разделась.

— Ты хорошо пахнешь, — сказал он тихо.

— А ты весь в масле, — ответила я. — Иди в душ, Кирилл.

Он ушёл. Но перед уходом обернулся. И я увидела в его штанах то, что заставило меня сжать колени. Потому что даже через ткань треников было видно, что он уже не просто заинтересован.

«Бинго», — подумала я. И в тот же миг поняла, что пальцы у меня дрожат. Не от страха, а от предвкушения.

Внутри меня кто-то проснулся. Хищник. Девка с горящими глазами, которая хочет смотреть, как мужчины теряют голову, теряют контроль, теряют всё, только ради шанса дотронуться до её кожи.

Мать в это время пекла пироги на кухне. Валерий Петрович чинил забор. А я сидела под яблоней, слушала, как за стеной шумит душ. Он, наверное, сейчас стоял под холодной водой и пытался успокоить свой стояк. Я улыбалась.

Мы только начали.

А вечером я поймала взгляд Валерия Петровича. Всего на секунду. Он смотрел, как я нарезаю помидоры на кухне. Наклонилась над столом, и рубашка чуть отъехала от поясницы. Он посмотрел. Всего секунду. Потом перевёл взгляд на мать. Улыбнулся. Но я видела.

Я всё видела.

Значит, план работает. Кирилл уже мой. Теперь очередь старшего.

Я буду делать это медленно. Со вкусом. Как кошка, которая не убивает мышь сразу, а играет с ней, пока та не начнёт молить о смерти. А потом — бах. Один удар. Мать узнает, что её Валера трогал меня за задницу, ну, или хотя бы пытался. И всё. Конец сказки.

Я выйду победительницей. А они уйдут в закат, Кирилл и его папаша. Потому что эта деревня, этот дом — мои. Не их.

Но почему тогда, лёжа в своей койке ночью, я слышала его дыхание, и мои пальцы сами собой скользнули вниз, под резинку трусов? Почему я представляла его руки, не Валерия, нет, именно Кирилла, и чувствовала, как тело предаёт мой план, как оно жаждет того, против чего я строю всю свою игру?

Потому что хищник внутри меня хотел не просто разрушать. Он хотел жрать. И жрать он хотел их всех, целиком и полностью, с потрохами, без остатка.

Я закусила губу, чтобы не застонать, и заставила себя убрать руку.

«Не сейчас, — сказала я себе. — Сначала работа. А удовольствие наступит потом».

Но где-то в темноте я услышала, как Кирилл перевернулся на другой бок. И мне показалось, или он тоже тяжело дышал?

Добро пожаловать в деревню, Дина. Твои каникулы только начинаются.

Глава 2. Утро, которое пахнет азартом

В деревенском доме утро наступает не как в Москве. Оно наступает не с вибрацией телефона и не с воем мусоровоза за окном. Оно приходит с петухами, которые орут так, будто им режут глотки, и с запахом утренней росы, смешанным с мазутом от соседского трактора. Но сегодня я проснулась не из-за петухов. Я проснулась потому, что во сне услышала чужое дыхание.

Чужое. Рядом.

Открыла глаза, и замерла. Потолок с жёлтым пятном от протечки. Обои с медвежатами. И койка в полуметре от моей, на которой спал он.

Кирилл.

Спал, наверное, слишком громкое слово. Он лежал на спине, раскинув руки, и его лицо в этот момент было каким-то... беззащитным. Без этой его кривой усмешки, без наглого прищура. Просто парень с тёмными ресницами, которые дрожали во сне, и с полуоткрытым ртом, из которого вырывалось ровное, спокойное дыхание.

Я смотрела на его лицо и думала. Думала о том, что творится в голове у парня, который спит в одной комнате с девушкой. С красивой девушкой. Да, я могла это признать, не врушка же. Студенты-психологи вообще должны быть честны с собой хотя бы в малом. У меня есть лицо, которое мужики называют «интересным», ноги, которые не стыдно показать, и грудь, которая вмещается в ладонь, но выглядит так, что на пляже оглядываются.

Он это видит. Он это всё видит каждый вечер, когда я раздеваюсь перед сном, и каждый раз отворачивается первым. Но не потому, что ему не интересно, а потому что у него есть понятия. Или потому что он боится себя.

«А если бы я сейчас встала, — подумала я, — подошла к его койке и легла рядом? Просто легла? Что бы он сделал?»

Я представила. Сначала его дыхание сбилось бы. Потом он открыл бы глаза, и я увидела бы сначала страх, а потом что-то другое, то, что прячется за страхом. Желание. Чистое, животное, бездумное. Он бы потянулся ко мне, и его пальцы, чёрт, его грубые пальцы с обкусанными ногтями, дотронулись бы до моей щеки. А потом до шеи. А потом...

Я почувствовала, как внутри разливается тепло. То самое, которое я пыталась запихнуть подальше на дно, где живут мои скелеты.

«Дина, твою мать, — сказала я себе. — Ты строишь план по уничтожению его семьи. А сама лежишь и мечтаешь о его руках».

Но мозг меня не слушался. Я продолжала разглядывать его лицо. Эти скулы, эту чёртову щетину, которая, наверное, колется, как наждак. И в какой-то момент мне показалось, что он улыбнулся во сне. Или мне просто захотелось так думать.

Я смотрела на него и не заметила, как перестала дышать. Наверное, в тот самый момент, когда его веки дрогнули.

Он открыл глаза резко. Не как в кино, не постепенно, с хлопанием ресниц. А как человек, который и не спал вовсе. Или который спит и всегда готов проснуться по первому сигналу.

Чёрные глаза, или же нет, тёмно-карие, почти без разницы в полумраке, уставились прямо на меня. Без удивления. Без вопроса «чего ты на меня пялишься?». Он просто смотрел. И я смотрела.

Секунда. Другая. Третья.

Я видела, как зрачки расширяются. Вот это уже не игра, а физиология, блин. Он видел моё лицо в двух ладонях от своего, и его тело включало режим «внимание, опасность/внимание, самка».

— Доброе утро, — сказал он тихо. Голос севший, чуть хриплый.

— Угу, — ответила я.

И тут внутри меня что-то щёлкнуло.

Это не был рациональный план. Это не было «по сценарию». Это был позвоночный рефлекс сексуальной хищницы, которая решила: «А пошло всё к чёрту. Посмотрим, что будет».

Я приподнялась на локте. Медленно. Очень медленно, так, чтобы он видел каждое движение. Футболка на мне была старая, вытянутая, московская, серая, с надписью «Nirvana» и дырочкой на животе. Я взялась за край двумя пальцами.

Кирилл не дышал. Я видела, как замерла его грудная клетка.

Футболка поползла вверх. Сначала он увидел живот, бледный, не загоревший ещё. Потом рёбра. Потом...

Я стянула её через голову одним рывком. Кожа натянулась на груди. Его взгляд завис на сосках, которые уже затвердели от утреннего холода или от его взгляда. Я бросила футболку на пол. Ткань шлёпнулась о доски глухо, как приговор.

Я не смотрела на него. Я чувствовала его взгляд. Он обжигал левую сторону груди, ключицу, плечо. Потом я повернулась на другой бок, натянула одеяло до подбородка, демонстративно, будто мне вдруг стало холодно, и закрыла глаза.

Сердце долбило в горло так, что я боялась, что он услышит. Внутри всё кипело. Я улыбнулась в подушку широко, по-идиотски. «Ну что, Кирилл, — подумала я. — Ссыкло?»

Я не видела его лица, но я его представляла. Шок. Желание. Может быть, даже растерянность, потому что он явно не ожидал от меня такого. Я же была правильной студенточкой с косичкой, которая шарахается от его взглядов. А тут голая грудь в шесть утра.

«Счет 1:0 в мою пользу, мальчик», — подумала я.

Я ждала. Я лежала с закрытыми глазами, притворялась, что засыпаю, и ждала. Что он сделает? Встанет и уйдёт? Скажет что-то? Или просто продолжит пялиться? Я хотела, чтобы он пялился. Я хотела, чтобы он запомнил этот миг на всю жизнь. Запомнил грудь девушки, которую он никогда не получит.

Но сон не шёл. Во-первых, адреналин. Во-вторых, было холодно даже под одеялом. В-третьих, я хотела видеть его лицо.

Прошло, наверное, минуты три. Или пять. Или целая вечность. Я повернулась обратно. Он не отвёл взгляд.

Кирилл лежал в той же позе, на спине, и смотрел на меня. Не на моё лицо, ибо я поймала момент, когда его глаза метнулись с моей груди (одеяло съехало, когда я поворачивалась) на мои глаза. Но я успела увидеть. Он смотрел, и на его лице не было стыда. Не было никакого смущения. Не было даже той кривой усмешки.

Было спокойствие. Спокойствие человека, который только что увидел то, что хотел увидеть, и теперь решает, что с этим делать.

Я ждала. Он тоже ждал. Мы смотрели друг на друга, как две кошки перед дракой, только никто не знал, кто нападёт первым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.